

Х. Вальтер

(Университет им. Э.М. Арноста, г. Грайфсвальд, Германия)

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ  
НАД ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ  
НЕМЕЦКОЙ ИДИМАТИКИ ДЛЯ РУССКИХ  
(петрушка — *Petersilie*)

Немецкая лексикография уже в течение полутора веков обогащается фундаментальными словарями, в которых раскрывается происхождение идиоматики и крылатых слов и выражений. Неслучайно словарь Георга Бюхманна стал образцом для подражания во многих славянских странах [6, 7, 13, 18, 19, 20, 24, 27 и др.], а солидные словари идиоматики [1, 12, 14, 15 и др.] широко используются при сопоставлении со славянским материалом. Так, например, Иван Франко в своем знаменитом собрании украинских пословиц многие примеры из этимологии дает по собранию Вандера, а польский академик Юлиан Кржанжановский и в своих книгах по малым жанрам фольклора, и в четырехтомном собрании польских пословиц постоянно обращается к опыту немецкой фразеологии. Особое внимание к немецко-славянским фразеологическим и паремиологическим параллелям характерно и для классического двухтомного труда М.И. Михельсона.

В исследовании проблем славяно-германского фразеологического взаимодействия инициатива принадлежит славистам. Кажется, однако, что для германистики такие исследования имеют не меньшее значение, чем для славистики как по результатам анализа конкретного фразеологического материала, так и по методологии его интерпретации. Особо продуктивным может оказаться использование славистических данных для исторической фразеологии немецкого языка. Во-первых, постоянные и длительные контакты славян и германских народов сделали фразеологические системы многих славянских языков своеобразными «консервантами» старых форм и значений немецкой идиоматики. Во-вторых, индоевропейское языковое родство породило многие общие славяно-германские идиомы, уже имеющие на славянской почве убедительную историко-этимологическую расшифровку. В-третьих, длительные славяно-германские культурные контакты оставили мощный отпечаток в виде идиоматики «крылатого» происхождения (античная культура, мифология, Библия, литература, современный политический дискурс и т.п.), исследование которого в сопоставительном ключе по-

могает многое уточнить в постижении эволюции общего европейского фонда идиоматики. Наконец, лингвистическая методика историко-этимологического анализа фразеологии, разработанная на славянском материале (например, метод структурно-семантического моделирования) может оказаться полезным и при аналогичных германистических штудиях.

Немецкая же фразеология и паремиология, к сожалению, практически не обращается к опыту историко-этимологического описания славянской идиоматики, в современных трудах германистов практически не встречаются параллели из славянских языков, а, что особенно важно, собственно лингвистическая методика историко-этимологического анализа ФЕ, основанная на принципе структурно-семантического моделирования, практически игнорируется. Все это приводит к тому, что даже в объемистых, наполненных массой ярких культурологических и языковых фактов словарях немецкой фразеологии их этимологическое прочтение остается на уровне фольклористики и этнографии, а интерпретация внутренней формы нередко остается нераскрытой. Доминирование этнографических (нередко — «псевдо-этнографических») интерпретаций фразеологических единиц порождает до сих пор этимологическую «всеядность». Неслучайно поэтому самыми основательными по объему и материалу до сих пор в Европе остаются историко-этимологические словари пословиц и поговорок, созданные именно этнографами, а не лингвистами. Таков, например, фундаментальный труд Лютца Рёриха [14], без которого невозможно диахроническое исследование ни одной немецкой идиомы. Всё больше фразеологов осознаёт необходимость взвешенной оценки соотношения собственно лингвистического и экстралингвистического аспектов в диахронической фразеологии. Отсюда — дискуссия о том, является историческая фразеология этнографией или лингвистикой, закончившаяся в славистике объективной констатацией возможностей различных подходов при поисках этимона ФЕ: и от лингвистических фактов, и — от этнолингвистических.

Вот почему на отделении славистики Грайфсвальдского университета уже несколько лет ведется работа над проектом словаря немецкой идиоматики для русского читателя. Первый экспериментальный выпуск был уже издан и обсуждался на нескольких конференциях и симпозиумах. Как нам кажется, подключение параллелей из славянских языков к этимологизации многих немецких фразеологизмов помогает более точно установить их исходную внутреннюю форму, более аргументиро-

ванно принять или отвергнуть ту или иную этимологическую гипотезу. Нередко также такое сопоставление позволяет уточнить пути проникновения германизмов в славянские языки или констатировать общность происхождения оборотов одной и той же семантики и структуры.

Немало русско-немецких соответствий отражают древнее культурологическое (resp. генетическое) взаимодействие германских и славянских языков (ср. рус. *красный петух* и нем. *roter Hahn* — «пожар», отсутствующее в романских языках и отражающее общие мифологические реминисценции). Обилие общих немецко-славянских оборотов, образованных по общим структурно-семантическим моделям, дает хороший методологический инструментарий для отбора наиболее вероятной этимологической интерпретации (ср. рус. *пускать пыль в глаза* и нем. *Sand im Augen streuen*) ([21]; 583–584). Разумеется, немалая квота такой общности обусловлена и постоянным прямым культурным, экономическим и политическим взаимодействием Германии и Славии. Большая масса библеизмов, общие мифологические и литературные сюжеты из античности, классическая литература и современные средства массовой информации — всё это внесло весомую лепту в общую фразеологическую сокровищницу славян и немцев. Вот почему, например, даже такой специфический и тесно привязанный к собственно национальной культуре разряд языковых единиц, как немецкие крылатые слова и выражения, обнаруживают достаточно большую близость к аналогичному материалу русского языка.

Разумеется, для германиста наиболее интересны случаи, когда на фоне славянских языков обнаруживается национальная специфика немецкий идиоматики, какие-либо уникальные культурологические факты, отраженные в зеркале фразеологии. К таким оборотам относится ряд выражений, объединенных компонентом *Petersilie* — петрушка. Сопоставление с другими славянскими языками показывает их лакуность в Славии. Немецкий же язык развивает особую коннотативность обозначения этого растения, которая и проявляется в достаточно высокой фразеологической активности слова *Petersilie*.

В немецком языке активно употребляется выражение *jmdm. ist die Petersilie verhagelt (verregnet)* (разг.-фам.) (*из-за неприятности кто-либо очень расстроен; кто-либо совершенно подавлен, кто-либо крайне огорчен*) (букв.: у кого-либо град побил петрушку); кого-либо поразила неожиданная неприятность; кто-либо совершенно убит, кто-либо предается унынию; кто-либо нос повесил; кто-либо пал духом от неудач; кто-либо повесил голову из-за неудач.

Оборот известен с XVIII века ([11]; 301). Некоторые исследователи связывают выражение с народной верой в то, что петрушка в качестве сильного ароматизирующего свойства может использоваться в качестве афродизиака, т.е. повышать сексуальную потенцию ([9]; 424; [12]; 459). Об этом свидетельствует и поговорка: «*Petersilie, Sellerie, hübsches Mädchen komm' zu mi*» (Петрушка, сельдерей, пусть придёт ко мне красотка). Петрушка, по народным поверьям, вызывает у мужчин сексуальное влечение: «*Petersilie hilft dem Mann aufs Pferd und der Frau unter die Erd*» (Петрушка помогает мужчине оседлать кобылу, а женщину сводит в гроб) ([10]; VI, 1520). Смысл пословицы раскрывается Вандером: корни и семена петрушки в средневековой медицине использовались не только как любовное снадобье, но и как средство, вызывающее аборт, который часто кончался смертью ([15]; III, 1220).

Петрушка как лечебное растение пришло на север Европы из Римской садовой культуры. В одной старой крестьянской песне название петрушки используют как эвфемизм мужского полового органа (Nachbar Brosius — Содез Брозие, около 1600 г.): «*Die Petersilie die ist gut, Brosius steckts auf seinen Hut. Da wackelt ihm sein Federbusch, es daucht ihm leiden gut*» ([14]; IV, 1154). Во времена войн афинским воинам запрещалось есть петрушку, поскольку верили, что тем самым истощается сексуальная энергия, ослабляя их. В средние века петрушка считалась сильным афродизиаком и потому «ведьминой травой», что отчасти справедливо, поскольку уже доказано, что в петрушке действительно содержится возбуждающее вещество апиоль (Apiol) (Gutknecht, 2002, 168).

Петрушка не только стала частью «взрослого» фольклора, особенно малых жанров, но вошла даже в детский фольклор. В шуточной детской считалке скрыта довольно прозрачная эротическая подоплёка: «*Petersilie, Suppenkraut, steht in unserm Garten, unser [Liesel] ist die Braut, kann nicht länger warten. Roter Wein, weißer Wein, morgen soll die Hochzeit sein*». Несмотря на прямолинейность эротических ассоциаций, в этой считалке нет ничего удивительного, поскольку в этом жанре нередко консервируются «детские сюжеты», в данном случае свадебные.

Эротические ассоциации, связанные с петрушкой, вошли даже в ономастикон Европы. Так, районы, в которых «работали» проститутки, нередко в Германии эвфемистически называли *Petersiliengasse*, *Petersilienstraße* — или *Petersilienmeile* (переулок петрушки, улица петрушки, бульвар петрушки). Такого рода названия можно встретить и во Франции, например в Париже: бульвар, где находятся публичные дома, в народе называют *persil*, т.е. Петрушка ([10]; VI, 1529).

Выражение *jmdm. ist die Petersilie verhagelt (verregnet)* часто связывают с «любовными» ассоциациями» петрушки. Однако если вдуматься в его буквальный смысл, то эротическая символика не укладывается в «унылую» логику оборота. Пожалуй, исходный смысл его вытекает из чисто прагматического, крестьянского отношения к этому растению. Ведь крестьяне, выращивающие его, хорошо знают, что град не так страшен ему, как другим овощам. Это объяснимо особой формой листьев петрушки, которым, действительно, град не причиняет вреда, в то время как листья других овощей могут уничтожаться градом полностью. Эта природная катастрофа, конечно же, может сильно огорчить и изумить крестьян (Gutknecht, 2002, 168).

Таким образом, немецкий оборот — это так называемая «формула невозможного» (А. Тейлер, П. Богатырёв), по которой в европейских языках образовано много фразеологизмов, парадоксальных по внутренней логике, например, нем. *wenn Weihnachten und Ostern auf einen Tag fallen; zu Pfingstmontag; da lachen ja die Hühner*; рус. *когда рак на горе свистнет; когда рыба запоёт; на морковкино заговенье; курам на смех; как кот заплакал; когда петух яйцо снесёт; когда лысые перекудрявеют* и др. ([24]; 319–326).

Побитая градом петрушка, следовательно — это столь же невозможное и неожиданное, как свистящие раки или плачущий кот.

Семантику невероятности отражают и другие более поздние по происхождению немецкие обороты с компонентом «петрушка»: *aussehen, als hätte es einem die Petersilie verhagelt* (разг.-фам.) (выглядеть как побитый) (XIX в.); *jmd. macht ein Gesicht wie verhagelte Petersilie* (разг.-фам.) (быть как в воду опущенный; с несчастным видом) (1900 ff.); *jmd. guckt, als wenn ihm die Petersilie verhagelt wäre* (разг.-фам.) (с потерянным видом; с унылым видом; как потерянный; как побитый) ([15]; II, 164).

Другое дело с оборотом *Hamburger Rechnung* (устар.): *Об оценке чего-л. без скидок и уступок, с предельной требовательностью* (букв. Гамбургский счёт) — «гамбургский счёт». Любой немецкий читатель удивлённо заметит, что такого выражения в современном немецком языке нет. И действительно, ни один словарь его не приводит. Но оно, подобно бумерангу, недавно вернулось в Германию в небольшой популярной книжке Ютты Лимбах *«Ausgewanderte Wörter»* ([1]; 63). Фиксируя выражение *die Hamburger Rechnung*, она подчёркивает, что оно пришло из русского и означает «richtiges, faires Ergebnis» (справедливый, правильный, честный результат). Русский язык, по мнению автора (между прочим, бывшего

Председателя конституционного суда Германии и ныне главы Института Гёте) получил это «гордое и достойное выражение» из Ганзейского города Гамбурга. И действительно, в русском языке оно появилось в 1928 г., когда вышел сборник критических статей литературоведа В.Б. Шкловского под названием «Гамбургский счёт». Смысл этого названия объяснен в краткой программной статье: «Гамбургский счёт — чрезвычайно важное понятие... Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах. Здесь устанавливаются истинные классы борцов, — чтобы не исхалтуриться». Выражение *гамбургский счёт* тогда же стало крылатым, первоначально в литературной среде, а затем получило более широкое распространение и стало применяться при оценке тех или иных общественных явлений ([21]; 681). Как видим, русский язык стал своеобразным «консервантом» чисто немецкой ганзейской традиции. Понятие «гамбургский счёт» уже забыто, а русское выражение очень активно продолжает жить как в литературе, так и в публицистике. Между прочим, такого рода законсервированных германизмов в русском языке немало, как в лексике, так и во фразеологии: *парикмахер, кусткамера, по благу, цирлих-манцирлих, отложить в долгий ящик, Вассер!*, *с первого абцуга, с абцуга, по первому абцугу, стоять на зексе, на цугундер [притянуть]* и др. И судьбе русского *гамбургского счёта* можно не удивляться: ведь когда поляки, американцы или китайцы едят гамбургеры, они тоже уже не вспоминают о нашем северонемецком городе.

Славянские языки, длительное время постоянно контактировавшие с немецким, являются нередко «консервантами» многих немецких фразеологизмов, давно ушедших из употребления или существенно изменивших свою форму и семантику. Историк немецкой фразеологии такой материал открывает обширное поле реконструкций внутренней и внешней формы многих современных оборотов. Рассмотрение таких фактов может, как кажется, немало дать исторической фразеологии обоих языков.

### Литература

1. Ausgewanderte Wörter. Eine Auswahl der interessantesten Beiträge zur internationalen Ausschreibung „Ausgewanderte Wörter“. Hrsg. v. J. Limbach. — Reinbek, 2007.
2. Borchardt W., Wustmann G., Schoppe G. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert. 7. Aufl. / Neu bearb. v. A. Schirmer. — Leipzig, 1954.

3. Breustedt W., Getzin J., Grätz J., Kolsut I., Walter H. Wörterbuch deutscher Phraseologismen mit englischen und slawischen Äquivalenten. – Greifswald, 2004.
4. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volkes. Ges. und erl. von Georg Büchmann. – Berlin, 1864.
5. Chlebda W. Biblizmy języka polskiego i rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego // Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa / Praca zbiorowa pod redakcją Andrzeja Bogusławskiego i Jolanty Medelskiej. – Warszawa, 1997. – S. 23–66.
6. Chlebda W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne. Studia i monografie. № 356. – Opole, 2005.
7. Chlebda W., Mokienko V.M., Szulezłkova S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Oficyna Wydawnicza Leksem. – Łask, 2003.
8. Duden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatics Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. — Mannheim; Leipzig u.a., 1992.
9. Duden. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. 2., überarb. und aktualisierte Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. – Mannheim, 2007.
10. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Hrsg. v. H. Bächtold-Stäubli u. Mitw. v. E. Hoffmann-Krayer. Bd. 1–10. – Augsburg, 2005.
11. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. – Stuttgart; Dresden, 1993.
12. Müller K. Lexikon der Redensarten. 4 000 deutsche Redensarten, ihre Bedeutung und Herkunft. Hrsg. v. K. Müller. – München, 2005.
13. Orłóš T.Z. Skrzydlate słowa pochodzenia biblijnego w języku czeskim i polskim. Problemy frazeologii europejskiej. T. 2 / Red. A.M. Lewicki, W. Chlebda. – Warszawa, 1997.
14. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd. – Freiburg; Basel; Wien, 2001.
15. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Vol. 1–5. – Leipzig, 1867–1880.
16. Zozmann R. Zitatenschatz der Weltliteratur / Überarbeitet von Dr. Otto Kiehmeyer. – Köln, o.J.
17. Афонькин Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов / Под ред. В. Шаде. – М., 2003.
18. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 3-е изд. – М., 1966.

19. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова и выражения. – М., 2001.
20. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М., 2000.
21. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – 3-е изд., исправ. и доп. / Под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2005.
22. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Почему немцы так говорят? (Загадки немецкой фразеологии). Экспериментальный выпуск. – Greifswald, 2007.
23. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. Экспериментальный выпуск. – Greifswald, 2006.
24. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. Т. 1–2. – М., 1994.
25. Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб., 1999.
26. Мокиенко В. М. Интертексты и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2001 года) / Ред.-сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск, 2003. – С. 4–27.
27. Редников И. Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т.п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением. – Вятка, 1883.
28. Савченко А. В. Цитация «из великих» как интертекстуальная характеристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого «Танковый батальон») // *Studia i szkice slawistyczne. Literatura – Kultura – Język* / Pod redakcją W. Chlebby i I. Światłowskiej-Prędoty. – Opole, 2002. – S. 300–310.
29. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка. их источники и развитие. – М., 2002.
30. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений. – М., 2003.



Sharing Experience of Work on the Historico-Etymological  
Dictionary of German Idiomaticity for the Russians  
(петрушка — Petersilie)

The paper specifies the characteristics of German phraseological units (*jmdm. ist die Petersilie verhaselt* and *Hamburger Rechnung*) and their Russian equivalents. There are allocated various linguistic levels against which the background of the place of phraseology in the system of other language units is defined. The article also deals with description of systematic characteristics of Russian and German phraseology in comparison to corresponding characteristics of lexicology. The author also considers the opportunities offered by synchronic and diachronic analysis of phraseology.

**Key-words:** lexicography, German and Russian phraseological units, lexicology, synchronic and diachronic approach, language contacts, etymology.